Александр ПРОХАНОВ во дворе прадедовского дома, возле стены, сложенной из валунов, собранных на берегу Терека

Александр ПРОХАНОВ

БОЖЕСТВЕННАЯ ВЕРТИКАЛЬ

БЕСЛАН. В этом слове — взрыв. 200 растерзанных детских тел. Грохот пулемётов и танков. Офицеры спецназа, падающие от пуль террористов. Рыдание матерей. Стенание Осетии, слёзные вопли по всей России. 1 сентября 2004 года школу в Беслане захватили террористы, взорвали её, превратив этот день в чёрную, наполненную кровью дыру.

Я иду по огромному, печально величественному Городу ангелов на окраине Беслана, где погребено 380 погибших при теракте людей. Бью в гулкий, долго не смолкающий колокол, гляжу на ряды бесчисленных мраморных надгробий. У каждого лежат цветы, крохотные пластмассовые ангелы, горят светильники, склоняются женщины в чёрных одеждах. И люди один за другим входят в это святилище, именуемое Городом ангелов, ибо души детей, по вере осетин, превратились в ангелов и улетели на небо.

Тот страшный удар террористов был направлен в сердце России, в сердцевину государства Российского, хотел сломить, подавить, лишить его чести, замедлить или остановить рост молодого, ещё хрупкого, государства. Удар приняла на себя Северная Осетия. Этот удар страшной тьмы погрузился в плоть осетинского народа, вонзился в самое дорогое — в детей. И там, среди разорванных детских тел, иссяк и остановился. И это — горький мучительный вклад осетин в становление государства Российского.

Через четыре года грузинские танки напали на Цхинвал. В Южной Осетии началась кровопролитная, неравная по своим силам, война. Грузины стирали с лица земли селения, убивали жителей, хотели очистить территорию Южной Осетии от непокорных жителей. Осетины отбивались от танков, взывали о помощи. И помощь пришла. Сквозь Рокский тоннель бронегруппы 58-й российской армии вошли в пределы Южной Осетии и разгромили карателей. Южноосетинский народ был спасён. Государство российское всей своей мощью встало на защиту осетин. И это было грозным свидетельством того, что Осетия и осетинский народ невозможны без государства Российского, а государство Российское беззащитно и неполно без изумительной и прекрасной Осетии.

В Беслане повторилась библейская трагедия — избиение младенцев, когда злодеи искали Христа, чтобы Его убить, а вместе с Ним погасить вселенский свет. Террористы, атаковавшие школу, тоже хотели убить вселенский свет, вселенскую красоту, но промахнулись. И свет обернулся против них возмездием. Все захватившие школу террористы были истреблены. Вслед за ними были истреблены и те, кто хотел превратить Кавказ в кровавую бойню. А позднее российские бомбардировщики полетели в Сирию, накрывая бомбёжками стойбища террористов. Это были удары возмездия, месть за Беслан.

У Города ангелов есть свой хранитель — немногословный, с печальным лицом, Касполат Рамонов. Он потерял во время теракта любимую дочь. Теперь он страж, охраняющий покой усопших детей, жрец, поставленный осетинским народом в этом святилище. Он сказал мне, что сразил из своего оружия одного из террористов, искал среди растерзанных тел свою дочь, испытывая нестерпимую смертельную боль. Жил, желая отомстить, вырезать до девятого колена весь род террористов. Но с годами боль превратилась в постоянное тихое моление. Ненависть сменилась недоумением, непониманием того, как в этом волшебном мире может присутствовать абсолютное тёмное зло. И теперь его ничего не интересует, кроме этих надгробий, кроме ухода за могилами. А единственное наслаждение — это возможность делать людям добро.

От той трагической Первой бесланской школы остались только руины, к которым стекаются на поклонение люди, зажигая поминальные свечи. А по соседству построена новая великолепная школа, и туда перешли доучиваться те, кто уцелел во время страшного взрыва. Теперь в этой школе создан музей, который хранит учительница истории Надежда Гуриева. Она потеряла во время взрыва двух детей. Снимок её убитой дочки с маленьким крестиком в руке обошёл весь мир. Сама Надежда была ранена в голову, чудом выжила и теперь создала музей, собирая в него свидетельства тех ужасных событий. Классы, где сегодня учатся дети, получили имена героев-спецназовцев, погибших при штурме. Школьники каждый год принимают у себя соратников, друзей и родных тех погибших героев. Многие закончившие школу ученики становятся офицерами, мечтают служить в спецназе.

В этой школе мне показали стену, на которой дети нарисовали огромную фреску. На этой чудесной, как и все детские рисунки, фреске изображён рай. Волшебные деревья, диковинные цветы, птицы, добродушные львы. Эта райская фреска, писанная детскими руками, закрывает чёрную дыру, из которой вырвался ад, запечатывает эту дыру. И дети-мученики, как и Тот, Кого искал царь Ирод во время избиения младенцев, совершают свою высокую мистическую жертву, одолевают ад.

Памятный монумент спецназовцам, погибших при освобождении заложников в школе № 1 Беслана

Фреска на стене вновь построенной школы, нарисованная детьми, выжившими в теракте 2004 года. Фото Екатерины ГЛУШИК

КРУГЛЫЕ ОСЕТИНСКИЕ ПИРОГИ с картошкой, с мясом, с сыром, с мелко нарезанной свекольной ботвой, подаются к любому застолью. Их всегда три. Они — не просто еда. Это космические символы, которым с древних времён поклоняется осетинский народ. Верхний пирог символизирует солнце, нижний — землю, а средний — воду. Три вселенские стихии, находящиеся в великой гармонии, из которой проистекли все остальные явления мира, в том числе человеческая жизнь. Осетины, собираясь в застолья, совершают молитвословие. Каждая трапеза становится для них поводом восславить великого всевышнего Бога, поблагодарить за добро и милость покровителя осетин святого Георгия, соединиться за этой трапезой в любящую, почитающую друг друга общность. Пока творится молитвословие и старший за столом с серьёзным, обожающим лицом воздает хвалу мирозданию, эти осетинские пироги являются образами космического благополучия и гармонии, которую осетины пытаются привнести в свои трапезы, в свои погребения, в свои рождения и свадьбы.

Осетинские пироги приготовляются в небольших пекарнях, где пылают огненные печи, и женщина в белом платке раскатывает белоснежное тесто, умащает его сыром или картофелем, кладёт на сковородку и помещает в зев раскалённой печи. Огонь проникает в тесто, совершается таинство, и это тесто становится тем, что в православии называется просфорой.

Пироги пекут, употребляя при этом множество неведомых миру приёмов, поверий. Так в России льют колокола. Каждый колокол хранит в себе расположение звёзд и светил, тайну земли, воды, огня, духовную красоту колокольных дел мастера. Пироги в Осетии имеют космическое происхождение. Каждый испечённый пирог — это космический корабль, на котором осетин отправляется в межпланетное странствие. Эти пироги, сияющие светом, ароматные и благоухающие, являются иконами, на которые молится верующий осетин, стараясь достичь Царствия небесного.

ОСЕТИНЫ ПРОТЕСТУЮТ, когда их называют язычниками. Они считают себя православными. Они ставят храмы, алтари, соблюдают православные праздники. Христианство пришло в Осетию без насилия, гармонично, оно всплыло из недр осетинской жизни, всплыло, увлекая за собой космический культ солнца, земли и воды. В Аланском Свято-Успенском монастыре настоятель отец Стефан угощал меня волшебными пирогами и чудесным осетинским сыром, который изготовляют в монастыре. Монастырь прекрасен, он сложен из смуглого горного камня — словно горы, двигаясь и сдавливая друг друга, выдавили этот монастырь из своих глубин. Монастырь пророс сквозь горы, устремлён своими главами и крестами в лучезарное пространство небес.

Мы беседовали об осетинской мечте. И отец Стефан объяснил мне, что Осетия не богата пригодной для земледелия пашней. Слишком много в ней неприступных отвесных гор и скал, слишком мало прочной земли под ногами. И поэтому осетинская мечта направлена ввысь — туда, где среди горных вершин есть простор, куда манит её бесконечность. Осетины думают, чувствуют, духовно живут в вертикали. Эта вертикаль божественна, ибо там, где она превращается в бесконечность, живут ангелы, растут райские цветы и деревья, нет насилия, нет смерти, а только жизнь бесконечная, в которой осетинская мечта обретает свою божественную природу.

ОСЕТИНЫ — великолепные воины. Среди них множество героев Советского Союза. Есть сегодняшние герои — Герои России. Осетины гордятся своими генералами, своими прославленными борцами, своими чемпионами мира, гордятся футбольным тренером Станиславом Черчесовым. И гордятся строителями великих советских заводов и научных центров. Осетины, берегущие свои аланские древности, свои восхитительные таинства и традиции, не затворяют себя в архаических формах. Для них история — это не прошлое, а настоящее и будущее. Они восприимчивы к явлениям современной цивилизации, стремятся одухотворить её, найти в ней место своим волшебным преданиям.

Осетию не обошёл чудовищный разгром 1991 года, когда радениями реформаторов был уничтожен цвет осетинской электронной промышленности, цвет осетинской университетской науки и технологии. Быть может, эта пустыня, наполненная обломками оборонных заводов и закрытых КБ, оставалась бы и по сей день, если бы среди осетин не нашлись герои и подвижники, которые сберегают ценности цивилизации так же, как их коллеги сберегают ценности древности. Усилиями и нечеловеческими трудами осетинского учёного Сослана Кулова была сбережена малая молекула мощного технологического центра, занимавшегося оптическими технологиями. Эта молекула была защищена, подхвачена, из неё выросло молодое изысканное предприятие "Баспик", получившее оборонзаказ, создающее новые технологии, с помощью которых производятся прицелы ночного видения, ночные бинокли. Без этих технологий, без изделий предприятия невозможны современные вертолёты, самолёты, морские суда. Изделия этого предприятия воюют в Сирии, плавают на российских кораблях в Средиземном море.

И ВОТ ДРУГОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ — "ФАТ-АГРО", оно использует современные биотехнологические методы для выращивания семенного картофеля. Основная масса семенного картофеля в Россию завозится из-за границы. И на эти семена хозяйства и фермеры, производящие картофель, тратят немалые деньги. Здесь, в Осетии, семена картофеля не подвержены заболеваниям, они устойчивы к бактериальным заражениям.

Из стебля проросшего клубня под электронным микроскопом добывается одна или две живых клетки. Их помещают в пробирку, в живительный раствор. Из этих клеток выращивают хрупкое, тонкое растение. Всё лабораторное помещение наполнено бесчисленными пробирками, в которых зеленеют хрупкие побеги. Их высаживают в горшки с землёй, где они вырастают во взрослые картофельные кусты, плодоносят, давая до двух десятков клубней. Эти клубни увозятся высоко в горы, туда, где царит стерильная среда, где горное космическое излучение уничтожает зловредные микробы. Там этот картофель высаживается, и снимается урожай. Клубни этого урожая вновь сажаются в землю, но уже ниже по склону, ближе к долинам. Урожай, прошедший несколько схождений с гор, собирается и, стойкий к заболеваниям, лишённый бактерий, отправляется фермерам в Россию и даже в Европу. Эту картофельную одиссею поведала мне очаровательная Ирина Карданова, заведующая биотехнологической лабораторией.

А В ГОРНОМ УЩЕЛЬЕ набирает силу строительство огромной Зарамагской ГЭС. Сквозь гранитные горы проложены тоннели, ставятся турбины, возводятся современные гидрологические комплексы с учётом сейсмических свойств кавказских гор, с учётом грунтов, которые, не дай Бог, будут подвержены размыванию и обернутся оползнями или селями. Эта стройка является современным, авангардным объектом Осетии, переводящим её на новый цивилизационный уровень.

ОДНА ИЗ ВЕТВЕЙ ПРОХАНОВЫХ берет своё начало во Владикавказе. На Кавказ из Тамбовской губернии пришли молокане и основали здесь русские молоканские поселения. Осетины приняли их в свою среду, побратались с ними. Молокане занимались здесь строительством домов, торговлей, промыслами. И мне во Владикавказе показали кирпичный дом, построенный моим прадедом Степаном Прохановым. Встреча с этим домом, вид его обветренных кирпичей, блеск его окон был для меня потрясением. Туманная тень моих предков выросла, овеществилась, наполнила меня волнением, слёзной любовью, благодарностью к тем людям, которые живут теперь в прадедовском доме. Три семьи, сберегающие этот дом, встретили меня во дворе, накрыли столы, угощали всё теми же ритуальными пирогами, ставили огромное блюдо с варёным говяжьим мясом, из которого торчали три окутанных паром ребра.

Дом стоит на берегу Терека. Степан Прохановов запустил первую во Владикавказе водяную турбину, вырабатывающую ток. Этим током вращались жернова его мукомольни. Из муки, которая высыпалась из-под тех жерновов, испекался хлеб и всё те же осетинские священные пироги. Во дворе дома сохранилась стена, в которую вмурованы разноцветные валуны, взятые с берега Терека. Мои предки сложили эту стену. Я подошёл к ней, касался её лбом, целовал, прикладывался к ней, как к чудотворному образу.

ОСЕТИНСКАЯ МЕЧТА... Где её тайный чертог? В белоснежном тесте мистического осетинского пирога, который лижет благословенный огонь печи? Или в хрупком растении, которое нежно зеленеет в стеклянной пробирке? В каменных розовых бусах, которым больше тысячи лет и которые извлечены археологами из древнего поселения? Осетинская мечта, она уловима, выразима? Маячит ли она в будущем или посылает свой свет из прошлого?

Осетинская мечта, как и всякая другая мечта, трудно выразима, быть может, невыразима вовсе, ибо она касается возвышенных состояний души, является надеждой на высшее, божественное поведение людей, надеждой на богоподобное человечество. Бог присутствует среди нас, но он невидим. Он везде и нигде. Он имеет имя и безымянен.

Музыка великого осетинского дирижера Гергиева выявляет сущность осетинской мечты в могучем взмахе его крылоподобных рук, хрупком сверкании его дирижёрской палочки, в огненных тёмных глазах под воздетыми грозно бровями. Его музыка — это эпос, это бескрайность океана, это великая буря мироздания, это сотворение мира, падение царств и народов в пропасть, воскрешение из мёртвых. Гергиев — великий вселенский музыкант. Его родила Осетия, взрастила своего ненаглядного сына. Осетия передала Гергиева великой российской культуре, где он занял величественное, неповторимое место. И отсюда, с русского пьедестала, он шагнул в мир, стал мировым явлением, стал глашатаем великих трясений, которые охватили сегодняшнее человечество, глашатаем великих надежд, которые зреют среди изнурённых народов.

Гергиев — это долгожданный "большой стиль", в котором так нуждается молодое государство Российское. Пока что этот стиль не выражен в граните и бронзе, к нему ещё не подступил скульптор и архитектор, но этот большой стиль уже возник в музыке Гергиева. В Сирии, в разгромленной Пальмире, в античном амфитеатре, окружённый победоносными суровыми русскими воинами, среди пылающих городов и ревущих штурмовиков, Гергиев дирижировал оркестром, славил победу, закрывал глаза усопшим и убитым на поле брани, молил Господа, чтобы тот снизошёл на землю, раздвинул своими божественными руками армии избивающих друг друга людей. Концерты Гергиева, которые он давал в обугленном Беслане, где ещё не просели могилы погибших в уличных боях осетин, и этот концерт в Сирии делает его провозвестником будущего. Слушайте концерты Гергиева, и вы угадаете осетинскую мечту, которая сливается с русской мечтой, а та сливается с мечтой всего человечества.

Владикавказская филармония расположена в здании старинной кирхи со шпилем и крестом. Усилиями Гергиева она превращена в филиал петербургского Мариинского театра. Здесь ставятся оперы, даются концерты. Когда Гергиев приезжает во Владикавказ, на свою родину, он собирает полные залы обожающих его слушателей. Я слушал в этой филармонии народный хор, которым управляла хормейстер Ольга Джанаева. И как прекрасны были народные осетинские песни о косцах, которые на склоне крутых гор косят сено, о могучих доблестных воинах, о нарядных и радостных свадьбах. И в какой-то момент среди гудящих басов, под лёгкие взмахи хормейстера я вдруг почувствовал, как вибрации мира захватили меня, подняли ввысь, и я вместе с певцами, вместе с моим родовым домом, с горными водопадами, с разноцветными камнями полетел ввысь, сочетаясь любовью и восхищением с этим прекрасным народом.

С ГЛАВОЙ РЕСПУБЛИКИ Вячеславом Зелимхановичем Битаровым мы говорили всё о том же — об осетинской мечте. А о чём ещё можно говорить с правителем, которого народ выбрал для того, чтобы тот умел собрать таящиеся в каждом сердце мечтания, соединить их в творческое, направленное на народное благо деяние? Вячеслав Битаров сказал, что осетинский народ давно, навсегда и необратимо связал свою судьбу с великим русским народом. Осетинская мечта о достойной, благородной справедливой жизни включает в себя мысль о неразрывности связи с Россией. Эта связь двух народов проверила себя среди великих испытаний, среди побед, помогая осетинам выстоять и продлить своё существование в историческом времени.

Русский народ является государствообразующим народом России. Он самый многочисленный, его культура огромна, его подвиги безмерны. Но и все остальные народы нашей державы, включая осетинский, является государствообразующими. Они держат над собой свой космический свод, поддерживают его своей божественной вертикалью, не давая этому своду осыпаться и упасть. Как невозможна Осетия без всей великой России, так и вся Россия будет неполной без Осетии. Об этом говорит и думает глава республики среди бесчисленных хлопот, в которые погружён сегодня осетинский народ. И глава республики в своих выступлениях, в общении с людьми стремится тронуть глубинные коды своих соплеменников, чтобы их оставило уныние и печаль, и они по-прежнему пребывали бы в мечтаниях, стремились к благому, справедливому обществу, направление которого указывает дирижёрская палочка великого Гергиева.

Я ОТПРАВИЛСЯ в Южную Осетию через перевалы Кавказского хребта, туда, где десять лет назад гремела война, и Россия в кровавом бою отстояла свободу и независимость осетин, спасла их от истребления. По пути я заехал в Священную Рощу, в рощу света, как называют её осетины. Среди величественных деревьев, где каждое излучало таинственный чистый свет, вместе с моими осетинскими друзьями мы посетили святилище, в котором вознесли хвалу великому Богу и просили святого Георгия сопутствовать мне в странствии.

По дороге среди водопадов и гор я остановился у великолепного памятника изумительному осетинскому поэту, имя которому — Коста Хетагуров. Он стоял, закутавшись в каменную бурку, и взирал на дорогу, по которой столько веков двигались нашествия, брели караваны, пылили паломники, богомольцы, незримо из конца в конец переносились великие идеи и верования. Я вспомнил изумительные стихи поэта: "Весь мир — мой храм, любовь — моя святыня. Вселенная — отечество моё". Так думал поэт Хетагуров, великий осетинский мечтатель.